

Добравшись до Империи Вечного Мира, монах Мин Синь увидел в небе снежные тучи. Катастрофа ещё не была полностью ликвидирована, и солдаты повсюду продолжали разбираться с последствиями. Количество беженцев до сих пор оставалось большим, так же, как и бандитов, грабящих опустевшие дома. На каждом углу валялись голодающие, не в силах разобраться с проблемой.

— Тут чистый, нежный монах! — голодающие обрадовались, увидев Мин Синя. — Можем съесть его, даже мыть не надо!

Парень тут же сбежал. Голодающим, давно не видевшим еды, оставалось лишь оставить его в покое, у них не было сил для погони. Один из бедолаг проговорил:

— Я же говорил вам не шуметь. Можно было наброситься и откусить кусочек, когда он был достаточно близко. Тогда он бы не сбежал.

Встревожившись в сердце, монах Мин Синь начал дрожать от страха. Не ев ничего уже три дня, он так и не смог найти ничего съедобного. Между тем людоеды пытались сожрать его уже более десяти раз.

Монастырь Великого Громого Удара был тихим местом, в то время как внешний мир оказался порочным, к тому же поглощённым голодом. О такой ситуации не писалось в буддистских текстах, ведь только сытый и согретый человек мог думать о буддизме.

Сутра Сердца, которую он захватил с собой, тоже оказалась бесполезной. Она не могла решить проблемы отсутствия пищи.

Место, в котором он сейчас находился, было отдалённым от цивилизации, поэтому не было смысла думать о том, чтобы искать помощи в имперском дворе. По пути здесь встречались многие жертвы катастрофы, голодающие, а возле дорог валялись трупы погибших.

Также здесь водились дикие волки и собаки, ставшие демонами от того, что питались человеческими останками. Звери группировались в стаи и скитались по округе, охотясь на тех, кому повезло остаться в живых.

Обычные собаки были приручены, но как только наступила катастрофа, они перестали стесняться обедать человеческой плотью. Звери быстро размножались, и были даже свирепее, чем волки!

— Это ад... — монах Мин Синь пустил слезу от постоянных встреч с демонами и трупами.

— Монах, у тебя есть ребёнок? — тощая женщина схватила парня за одежду, держа ребёнка свободной рукой. Её лицо было бледным, костлявым и изголодавшимся. — Дай своего ребёнка мне, а я дам тебе своего. Ты съешь моего, а я твоего.

Мин Синь закричал, вырываясь из её хватки, и сбежал.

— Жулай! — парень пробежал много километров, прежде чем полностью выбился из сил. — Ты что, не видишь человеческого мира с высоты Монастыря Великого Громого Удара?

Ошарашенный парень шёл вперёд, спотыкаясь на каждом шагу. Увидев на горизонте монастырь, он забежал внутрь, обнаруживая горстку людей, подвешенных к потолку. Их кожа

была полностью снята, а в противоположном углу сидели монахи, держащие котёл с мясом. Заметив юношу, они истерически прокричали:

— Аббат, аббат, тут пострадавший монах!

Старый монах в спешке вбежал:

— Откуда ты, монах? Пищи осталось совсем немного, люди начинают грызть землю от голода! Юань Дин, накорми его, и пусть уходит. Мой будда сострадает.

Перед Мин Синем поместили котёл с человеческим мясом, окончательно его шокируя и заставляя почувствовать, как будда в его сердце затрещал и разрушился.

Выскочив наружу, он истерически ударил стоящую неподалёку статую будды, толкнув её на землю и разбивая на мелкие кусочки. Остальные монахи подбежали в попытке его остановить, и начали злобно кричать:

— Этот монах сошёл с ума, в него вселился дьявол! Он богохульствует будде, предаёт и рушит предков!

Мин Синь позволил им себя избить, не став отбиваться. Вскоре тело парня превратилось в кровавое месиво. В этот момент прибыл отряд солдат и атаковал монахов.

— Монахи ели человечину, они и вправду выходят из-под контроля... Генерал, тут избитый парень, он даже на человека не похож от ранений. Эээм, он всё ещё дышит!

Солдаты притащили Мин Синя к генералу, чтобы тот осмотрел парня:

— Он не умрёт. Монах, вижу, что у тебя неплохие способности, почему ты не отбивался?

Парень ответил с оцепевшим лицом:

— У меня повсюду недостатки...

Генерал улыбнулся:

— Недостатки — это хорошо, у кого их нет? Только настоящие эксперты знают, что у них есть слабые места. У тебя есть способности, присоединяйся ко мне, чтобы защитить эту землю. Беженцы дошли до того, что ползают по земле и вырывают зёрна, которые только что были посажены!... Люди, давайте сожжём этот монастырь!

Солдаты сразу же отреагировали, начав разводить огонь, и вскоре монастырь начал пылать. Мин Синь кивнул, но внезапно что-то вспомнил и побежал в сторону огня:

— Мои писания!

Генерал приказал своим людям удерживать юношу:

— Что у тебя за писания? Насколько они толстые?

— Всего лишь две страницы.

— Такая холодная погода, а ты таскаешь с собой тонкие книги. Даже костёр не разведёшь, — генерал поднял палец вверх, и в его глазах появилась тоска. — Нам нужен лишь один урожай,

и люди снова будут иметь достаточно пищи, чтобы не голодать. Мир перестанет быть адом, и снова станет миром людей. Поэтому защита земель — наша главная задача, нельзя позволить беженцам всё испортить. Когда ситуация наладится, ты сможешь вернуться к чтению своих буддистских писаний. Тогда я сам дам тебе целую кучу текстов, будешь читать сколько влезет!

Мин Синь был ошеломлён. Читать писания только в мирное время?

Тогда как они смогут спасти страдающих? Как они просветят всех живых существ?

Если писания нельзя использовать во времена хаоса, а только в мирный период, какой с них толк?

«Владыка Культа Цинь был прав, те, кто пишет буддистские писания, не являются Жулаями».

Монах ушёл вместе с генералом и его солдатами. Чистая хлопковая одежда и когда-то белые ботинки парня были покрыты пятнами крови: «С сегодняшнего дня, я буду своим собственным Жулаем, я сам буду писать буддистские тексты!»

В Монастыре Великого Громового Удара раздался громкий протяжный звон колокола, и Цинь Му посмотрел на запад. Там лежали Великие Руины, давным-давно претерпевшие бедствие. Затем он повернул голову на восток, где находилась Империя Вечного Мира, бедствие которой сейчас было в самом разгаре.

Монастырь Великого Громового Удара находился прямо между ними, не страдая от бедствия или катастрофы. Это и вправду было хорошее место. Здешние монахи не имели никаких забот и концентрировались лишь на изучении буддизма, не задумываясь о проблемах обычных людей...

— В Монастыре Великого Громового Удара есть больше четырёх тысяч обителей, из которых Обители Небесных Драконов и Медитации Сердца были одними из самых больших. Каждая обитель ответственна за что-то отдельное, и изучает особый предмет. Самые выдающиеся ученики остаются в своей обители, обучаясь у здешних старых монахов, — объяснил старый Ма.

— К примеру, монах Мин Синь учился лично у Цзин Мина, поэтому он получал больше внимания и стал лучше своих ровесников. Те, чьи способности и буддистская природа выше остальных, и вовсе становятся учениками самого Жулая.

Цинь Му посмотрел вниз на вершины гор, напоминающие лепестки лотоса, окружающие главную гору в центре. На них стояли десятки тысяч храмов и монастырей, перед каждым из которых дымился ладан.

— У Монастыря Великого Громового Удара есть и хорошие стороны. Его способ обучения учеников сильно напоминает идеи Имперского Наставника Вечного Мира, — кивая головой сказал Цинь Му.

Старый Ма повёл их к противоположной стороне горы, чтобы показать здешние достопримечательности. Они как раз стояли перед внушающей благоговение пагодой:

— Обитель Ямараджи — первое небо Обители Небес. Вторым небом является обитель Сагары Нагараджи, представляющий собой состояние ума в Махаяне Сутре Жулая. На самом верху лежат Обители Сакры и Брахмы. Если считать с той вершины, Обитель Брахмы будет первым

небом.

Цинь Му поднял взгляд ввысь и был потрясён. Пагода перед ним выглядела слишком завораживающе. Это было атмосферное строение, возвышающееся над горами и реками вокруг.

Они вошли внутрь, попадая в первую обитель, Обитель Ямараджи, где встретили группу монахов, совершенствующих Махаяну Сутру Жулая. Старый монах немедленно отправился им навстречу, приветствуя:

— Ма Ваншэнь.

— Мы просто осматриваемся.

Лицо старого монаха обрело озадаченное выражение, он проговорил:

— В этом месте мы совершенствуем Махаяну Сутру Жулая...

Внезапно заговорил ещё один голос:

— Старший брат, наш будда говорит, что Монастырю Великого Громового Удара нечего прятать, пусть идут куда хотят.

Старый монах оглянулся и немедленно сказал:

— Фоцзы.

Молодой парень вошёл внутрь и поприветствовал старого Ма:

— Старший брат, — затем он повернулся к Цинь Му, — Владыка Культа Цинь.

Цинь Му улыбнулся, отвечая на приветствие:

— Фоцзы Фо Синь. Когда-то я видел тебя возле Имперского Колледжа, но ты меня не заметил.

Наголо выбритая голова монаха, казалось, была сделана из драгоценного камня. Его яркие глаза напоминали алмазы, а мочки уха свисали, будто капли воды. Между бровей парня была нарисована красная точка, выглядя довольно необычно. Это был никто иной, как Фоцзы Фо Синь.

Когда-то Фоцзы приходил блокировать врата Имперского Колледжа вместе с старым монахом Цзин Минем, и Цинь Му пришёл взглянуть на гостей. Так как Патриарх не просил его что-то сделать, да и он был занят парализацией зелёного быка, юным дарованиям не выпал шанс померяться силами.

Когда имперский лекарь Ю и остальные парализовали Имперский Колледж, Сы Юньсян тайком сразилась с Фоцзы, вынудив его покинуть врата.

Фо Синь смерил Цинь Му взглядом, отметив, что хоть Владыка Небесного Дьявольского Культа выглядел цивилизованно и вёл себя вежливо, культурно и утончённо, его взгляд оставался невероятно диким. Он почувствовал сильное и непоколебимое давление его глаз, метящее прямо в сердца людей. От этого Фоцзы ощутил себя некомфортно: «Дьявольская природа этого парня очень велика!»

Затем юноша обратился к старому монаху:

— Жулай сказал, что не случится ничего плохого, даже если мы покажем Владыке Культа Циню Махаяну Сутру Жулая. Не имея буддистской природы, невозможно совершенствовать технику нашего Монастыря Великого Громового Удара. Более того, старший брат Ма тоже владеет Махаяной Сутрой, и при желании уже давным-давно обучил бы Владыку. Добрые люди, старший брат Ма, можете осматриваться сколько угодно.

Старый монах успокоился и продолжил объяснять ученикам секрет первого неба, Неба Ямараджи. Он больше не переживал из-за вторжения Цинь Му и стариков.

Спустя мгновение, Цинь Му осознал услышанное и сразу же взялся испытывать новые знания о Махаяне Сутре Жулая на практике. По его телу начали проноситься волны холода и тепла, будто он спустился в ад и стал Ямараджи.

Фоцзы увидел, как парня окутали золотые лучи, и сердце монаха вздрогнуло: «Это буддистский свет! Он выучил первое небо Махаяны Сутры просто постояв здесь? Неужели у него есть буддистская природа? Разве он не дьявол?»

Старый Ма заметил буддистские лучи, внезапно разразившиеся из тела юноши, и проговорил:

— Му'эр, ты уже постиг первое небо Махаяны Сутры, нам больше нет смысла слушать этого старика. Идём наверх.

Юноша последовал за стариками к Обители Сагары Наджары, Фоцзы побежал за ними. На втором этаже тоже сидел монах, рассказывая о всевозможных секретах Сагары Наджары.

Вскоре, буддистские лучи Цинь Му стали сильнее.

Фоцзы был потрясён. Люди с дьявольской натурой не могли совершенствовать Махаяну Сутру Жулая. Цинь Му был Владыкой Небесного Дьявольского Культа, самым злым дьяволом мира, однако, всего лишь постояв немного и послушав рассказы, он смог постичь второе небо техники монахов. Разве это не было слишком шокирующим?

Нужно отметить, что Фо Синь удостоился звания Фоцзы, потому что владел чистым сердцем младенца. Придя в Монастырь Великого Громового Удара впервые, он смог развить свою Махаяну Сутру до четвёртых небес за очень короткое время, что взбудоражило всех местных монахов. Именно тогда парень и стал Фоцзы.

Из того, что он знал, с Ма Ваншэнем случилась такая же история. Ходили слухи, что старый Ма смог выучить пять небес при первой же попытке. Именно поэтому Жулай полагал на старика огромные надежды, готовя его как свою замену.

«Дьявол из Небесного Дьявольского Культа не может владеть такой же сильной буддистской природой, как и я!» — подумал про себя монах.

Добравшись к третьему небу, Цинь Му постиг состояние ума Кандры из Махаяны Сутры, изучив третье небо. Из затылка парня засияли внушающие, напоминающие лунный свет буддистские лучи. В то же время даже среди монахов Обители Кандры не все могли добиться такого результата!

На четвёртом этаже Цинь Му постиг состояние ума Сурьи, и буддистские лучи на его затылке превратились в ослепительный солнечный свет. Он выглядел, будто выдающийся монах,

достигший своего Дао!

<http://tl.rulate.ru/book/12626/350042>